

Мария Мчедлова
(Москва)

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: КООРДИНАТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Обращение к проблеме российской цивилизации, операционализация методологического инструментария данного подхода позволяет обеспечить эффективность гуманитарной рефлексии в условиях изменения структуры социального и политического пространства, амбивалентности политического процесса: универсализация и фрагментация. Современные реалии — глобальные и локальные — порождают потребность в определенных обобщенных представлениях о сути процессов, свойственных российскому обществу, потребность осмысления места и роли России в мировом социально-политическом процессе. Особое звучание данное положение приобретает в силу исходной посылки: «Степень воплощения цивилизационных черт в политике зависит от соотношения органических (автохтонных, естественных) и заимствованных, подражательских (являющихся результатом переработки и усвоения людьми иного, чуждого повседневным практикам опыта) элементов в ролевом поведении... А преломленный в политике цивилизационный материал может либо конфронтировать, либо не конфронтировать с современностью» [1, с. 6]. Методологически важно подчеркнуть, что социально-культурные характеристики любой цивилизации исторически устойчивы, постоянны, они действуют на протяжении длительного времени, легко переживая не только смену оче-

редных политических режимов, но и общественных систем. В числе этих факторов и глубинные психологические явления, связанные с определенными поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, включающего группы с различными социальными и идеологическими ориентациями.

В современном общественно-политическом знании проблема определения цивилизационного статуса России рассматривается в ряде проекций — от внешнеполитической до религиозной, от философской до сугубо идеологизированной, однако сама точка концентрации многочисленных дискуссий очевидна: это специфика российского общества, воспроизводящаяся на протяжении длительного исторического времени. Оценки данной специфики могут быть как позитивными (О. Платонов [2], В. В. Кожин [3], А. С. Панарин [4; 5]), так и негативными — «русская система» [6; 7], «российская колея» [8], вплоть до отрицания самой такой специфики. С точки зрения В. М. Межуева, столкновение двух постоянно воспроизводящихся тем — самобытности и отсталости — говорит об отсутствии однозначности в ответе на данный вопрос. По его мнению, Россия является становящейся цивилизацией, находящейся в поиске своей цивилизационной идентичности, «своего места в мировой истории» [9, с. 151], а российская специфика более точно передается словом «культура» [Там же]. Также, согласно его точке зрения, «Россию столь же трудно представить и как совершенно особую, окончательно сложившуюся и во всем отличную от Запада цивилизацию, хотя подобные попытки время от времени предпринимаются разными авторами. Ее называют то православной, то восточнославянской, то евразийской цивилизацией — в зависимости от того, какой признак берется за основу — конфессиональный, этнокультурный или геополитический» [10, с. 44].

Существование различных, порой полярных, мнений о самой возможности наличия российской цивилизации обусловливается прежде всего отсутствием однозначных критериев цивилизованности, что подразумевает простор и открытость для расширения и движения социально-политического знания. Следовательно, сама постановка проблемы имеет большой научный и эпистемологический потенциал, использование которого создает определенные предпосылки для нахождения если не единых теоретических схем, то по крайней мере общего знаменателя в подходах к изучению социальной реальности и политического процесса.

В обществоведческом дискурсе наличествует множество определений и подходов к прояснению сущности российской цивилизации че-

рез различные стороны — от духовной до инструментально-политической, от стагнирующего характера до динамичного развития. Так, по мнению А. Ахиезера, специфика российской цивилизации объясняется разделением «суперцивилизаций», между которыми «застряла» Россия, что определяет «распатанность» ее поведенческого стереотипа [11, с. 223] — речь идет о расколе в масштабе традиционной и либеральной суперцивилизаций.

Противоположное мнение высказывает А. Л. Темницкий, не соглашающийся с генеральным тезисом А. Ахиезера о расколотости, промежуточности России как цивилизации. В данной интерпретации Россия имеет цивилизационный статус, а ее «обещающей характеристикой, ее одним из главных маркеров и вместе с тем обладающей различимыми социальными и культурными признаками на разных исторических этапах можно назвать патернализм» [12, с. 462—463]. По мнению И. Яковенко, у России есть собственный цивилизационный статус, по вычленению в качестве самостоятельной аналогичный латиноамериканской цивилизации [13, с. 229]. Этому же взгляда придерживается и Я. Г. Шемякин, утверждая, что российская цивилизация есть «пограничная цивилизация» планетарного масштаба, для которой основным является преобладание многообразия над единством, гетерогенности над гомогенностью [14, с. 36; 15].

Определение России как «другой Европы» предлагает Ф. Бродель, говорящий о стране как о «развившейся почти так же поздно, как Америка, но на сей раз на самом Европейском континенте, что означает ее тесную связь с Западом» [16, с. 500]. Этой точки зрения придерживается В. Г. Федотова, изучающая специфику России в контексте модернизационных преобразований [17] и основывающаяся на концепции множественности модернизмов Ш. Эйзенштадта [18—20], которая, в свою очередь, центрируется вокруг констатации трансформации сущности осевой европейско-христианской цивилизации, приведшей к возникновению модерна как новой цивилизации с особой культурной и институциональной программой, распространившейся на другие части мира, что вызвало появление множественности модернизмов. Отдельно можно привести мнение о том, что российская цивилизация есть цивилизация аскриптивного типа социальности [21].

Одновременно следует выделить существование точки зрения, во многом прослеживающейся в исторической рефлексии и политической практике, а именно об определении Россией себя через соотнесение с Европейской цивилизацией. Существует множество дискуссий по вопросу о способности России быть составной частью европейского геополитического капитала культуры: от признания полного совпаде-

ния культурно-цивилизационных составляющих до их абсолютной несовместимости [22–26]. А. И. Зимин, признавая, что «русская культура тесно связана многими нитями с культурой Западной Европы», все же настаивает на том, что «русский мир с древности складывался и продолжает существовать вопреки всем попыткам представить Россию в качестве европейской державы». Он подчеркивает ценность западного опыта для российского общества, открытого к диалогу с другими культурами, но говорит о необходимости учитывать специфичность ментальности, которая сформировалась для обеспечения потребностей российской культурно-исторической системы [27, с. 120]. Существует также вариант отказа России в цивилизационном статусе: например, известный французский ученый А. Безансон в отклике на статью С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» вполне аргументированно показывает, что исторические корни «православной цивилизации» менее древние и прочные, чем кажется, чтобы можно было говорить о ней как о типе цивилизации. Более того, само понимание цивилизации приложимо к России только начиная с реформ Петра I [28, с. 256].

О совершенно ином статусе России пишет И. Л. Солоневич: «Россия — не Европа, но и не Азия, и даже не Евразия. Это — просто — Россия. Совершенно своеобразный национальный государственный и культурный комплекс, одинаково четко отличающийся и от Европы, и от Азии. Основные черты этого комплекса достаточно отчетливо определились раньше, чем европейское влияние или азиатские нашествия могли наложить на Россию свой отпечаток. На эти черты никакого влияния не оказала и Византия» [29, с. 15].

По нашему мнению, анализ цивилизационных особенностей российского общества предполагает освещение глубинных факторов устойчивых традиций, свойственных его истории, специфике политико-экономической деятельности, общественной мысли, идеологии, духовной жизни, анализ механизмов социального наследования и преемственности, обуславливающих сохранение и трансляцию общероссийского достояния. Целесообразным представляется прояснение ключевых, с нашей точки зрения, параметров, определяющих уникальность и самостоятельность российской цивилизации, поскольку определение цивилизационного статуса России, актуализирующего социально-историческую специфику, является едва ли не самым насущным методологическим вопросом для выработки действенной стратегии поведения в условиях инновационных вызовов.

При всей самобытности российской цивилизации она — будучи в рамках современной мировой цивилизации — не может не воспринимать ее лучшие достижения, ценности, нормы. Но реализовывать их,

как правило, целесообразно через развитие отечественных институтов, при использовании положительного потенциала своих форм социальной жизнедеятельности, взаимодействия с природой, что, разумеется, вовсе не снимает проблемы последовательного отказа от всего «своего», но уже отжившего, мешающего развитию. Не случайно в ходе осуществления реформирования и модернизации на первом плане, среди прочего, оказалась проблема оптимального сочетания отечественных традиций и достижений, реализованных в иных обществах, сочетания традиционной отечественной культуры и ценностей модернизации. Однако именно от механического заимствования предостерегал еще И. А. Ильин: «...механическое заимствование у других народов сулит нам добра меньше, чем когда-нибудь; и только те из нас, которые потеряли живое чувство России или, может быть, никогда не имели его, которые не видят, а может быть, никогда не видели ее своеобразную проблематику (духовную и религиозную, психологическую и национальную, политическую и хозяйственную), могут думать, что Россия спасается какою-нибудь новою слепую формой западничества» [30, с. 454].

Несомненно, внедряемые на протяжении более трех столетий европейские модернизационные ценности, связанные со сферой гражданского общества, постоянно вступают в противоречивые отношения с устоявшимся российским социокультурным наследием, однако постепенно происходит процесс их интериоризации и ассимиляции. Опыт российских политических и экономических трансформаций вскрыл то обстоятельство, что изменение такой самостоятельной цивилизационно-культурной метасистемы, как Россия, не укладывается в классический модернизационный сценарий. Поэтому важен анализ современного глобального контекста российской модернизации и реформационных процессов. Вероятно, хотелось бы надеяться на то, что спасительный и «рациональный» сценарий будущего человечества усматривается в сотрудничестве и взаимопомощи стран, в координации взаимных интересов на договорных началах, однако существует другая сторона политического и цивилизационного развития современности.

Устойчивость российской цивилизации поддерживается приверженностью большинства населения к сохранению своих традиционных ценностных представлений, своей концепции бытия, которая, формируясь на протяжении веков, характеризовалась приоритетом идей коллективного спасения, общественных интересов над личными, расположением к духовным ценностям и важной централизующей ролью государства. Уникальность российской цивилизации состоит в

том, что ее существование, с одной стороны, невозможно представить без русского основания (в том числе объединительной роли русского языка), но в то же время нет России и без добровольного союза других исконных этноконфессиональных общностей, традиционно живущих на ее территории, ибо «цивилизация – прежде всего добрая воля к совместной жизни» [31, с. 145]. В российской цивилизации русский народ сыграл интегрирующую, собирательную роль, что позволяет говорить о таких присущих ему чертах, как терпимость, толерантность, склонность к взаимообогащению культур, оказанию поддержки и помощи. Даже в самом общем плане разнообразие выступает необходимым условием развития, поэтому полиэтничная основа российской цивилизации, состоящая из физически и социально-исторически разновозрастных этносов, населяющих Россию, представляет собой залог выживаемости России: «...чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных и столь удаленных друг от друга в степенях образования. Подобно Америке, Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы, являет плоды долговременной гражданской жизни» [32, с. 10].

В России, на цивилизационном фундаменте которой сохранились все автохтонные общности, включая самые малые, существует содружество народов с глубокими этническими и историческими корнями, привязанностью к определенной территории, имеющих в ряде случаев традиции самостоятельного государственного развития. Подобная ситуация позволяет сегодня предлагать стратегические политические проекты, использующие цивилизационную специфику и интегративные культурные интенции в качестве «мягкой силы». Одним из вариантов такой логики применения цивилизационных механизмов является концепция «Русского мира», предлагающая идеологические и политические основания современной российской политики, направленной на использование в качестве «мягкой силы» носителей российской цивилизационной идентичности. В свое время ареал французской культуры, ее роль локомотива европейской цивилизации позволили Антуану де Сент-Экзюпери говорить об «аромате Франции, сиянии Франции» [33, с. 341–342]. То же можно сказать и о русской культуре, своим ароматом притягивающей многие народы в свою орбиту.

Российская Федерация обладает одной из самых многочисленных диаспор в мире. По различным оценкам, вне России в настоящее время проживает около 30 миллионов наших соотечественников. Российское государство проявляет все больший интерес к «русскому миру», тому огромному количеству людей, которые в силу самых разнообраз-

ных причин оказались за пределами Родины, но, несмотря на это, проявляют неподдельный интерес к России, чувствуют сопричастность своих судеб судьбе Отечества. «Укрепилось политическое понимание того, что ответственный подход к российским соотечественникам, налаживание партнерства с теми, кто духовно связан с Россией, является моральным долгом нашей державы» [34, с. 15]. Поэтому не с русского, а «с российского народа необходимо начинать разговор о Русском мире» [35, с. 22]. Согласно социологическим исследованиям, в ситуациях, связанных с государством, «русское» неявно сливается, особенно за рубежом, с «русским», и наоборот: русскость представляет собой синоним российского [36, с. 225]. Политическая направленность данной концепции основывается на признании того, что «Русский мир шире наций, границ, политических систем, шире идеологий» [37, с. 22], «это в известной степени часть России, вынесенная на периферию, если иметь в виду, что центром российской цивилизации является многонациональное Российское государство» [38, с. 18].

Акцентирование и упор в современных политических процессах на цивилизационные основания позволяют выстраивать стратегию продвижения политических интересов России, основываясь на культурном потенциале, во многом определяющем новые политические практики. Переосмысление позиции государства, касающейся соотечественников, проживающих за рубежом, налаживание партнерских отношений с зарубежной российской диаспорой из плоскости дискуссий переросли в конкретные шаги уже в конце 90-х годов XX века. Этот процесс нашел свое отражение в серии законодательных актов, создании специальных инструментов в рамках существующей системы органов государственной власти, которые позволили сформулировать и проводить в жизнь системную политику государства в отношении соотечественников, проживающих за рубежом. Основными вехами этой политики стали образование Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом (ПКДСР), принятие федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» в 1999 году, создание, утверждение и реализация трехлетних программ взаимодействия с соотечественниками за рубежом, налаживание информационной работы с диаспорой, запуск федеральной целевой программы «Русский язык», проведение как в России, так и за рубежом различных форумов соотечественников [39].

В данном ряду находится и политика, проводимая Русской православной церковью, направленная на поддержание единства цивилизационной принадлежности и одновременно выполнения роли «мяг-

кой политической силы», способной гражданскими, культурными, вероучительными объединительными моментами выполнять политические функции обеспечения национальных интересов и осуществления консолидации носителей российской цивилизационной идентичности. «Сегодня, действительно, глобализация, как теперь принято говорить, бросает вызовы прежде всего концепциям культурно-национальной идентичности, — считает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. — Представители различных культур поставлены перед выбором: примкнуть к этим мощным глобальным проектам и раствориться в них или же самим быть самостоятельными субъектами в формировании мироустройства... В связи с этим необходимо ясно понимать, что представляет сегодня Русский мир. Мне кажется, что если мы будем считать его единственным центром только Российскую Федерацию в современных границах, то мы тем самым погрешим против исторической правды и искусственно отсечем от себя многие миллионы людей, которые осознают свою ответственность за судьбы Русского мира и считают его созидание главным делом своей жизни... В некоторых государствах бывшей единой страны существует навязчивый страх, что поддержка русской культуры может разрушить местную национальную культуру. Это напрасное опасение. Изначально русская культура формировалась как культура, имеющая стыковочные узлы для соединения с другими национальными традициями... Только сплоченный Русский мир может стать сильным субъектом глобальной международной политики, сильнее всяких политических альянсов. Кроме того, без координации усилий государства, Церкви и гражданского общества мы не достигнем этой цели» [40].

Одним из атрибутов российской цивилизации является поликонфессиональность, что позволяет выстраивать методологический фундамент для объяснения политических процессов и формирования параметров адекватной государственно-конфессиональной политики. В российской традиции цивилизационная устойчивость может быть интерпретирована и как сосуществование различных конфессиональных традиций, то есть определение российской цивилизации как православно-кажется не вполне достаточным, хотя, безусловно, ни одна религия не может конкурировать с православием по силе и степени влияния на историю и культуру России. Нельзя не признавать вклад других религиозных традиций (ислама, иудаизма, буддизма, протестантизма, национальных религий), что свидетельствует о взаимовлиянии и взаимообогащении, совместном создании и защите общих ценностей и государственных структур в едином географическом, политическом, экономическом и духовном пространстве. Это формирует у

полиэтнического и многоконфессионального населения чувство сопричастности судьбам России, общие, глубинные для психологии и сознания российских этноконфессиональных общностей представления. Существование в поле российской цивилизации религий, имеющих цивилизациобразующий статус, уже само по себе является свидетельством и атрибутом более глубокой субстанциальной сущности. Данный методологический посыл представляется основным при выработке политических и государственно-управленческих стратегий.

Этот факт во многом определил дискуссии в философско-политологическом знании, где достаточно сильны теоретические классификации цивилизаций по религиозному признаку, относительно сущности российской цивилизации, а также векторы структурирования социально-политического пространства. Существовающий спектр мнений можно свести к следующим основаниям: 1) Россия — уникальная православная цивилизация; 2) она имеет единые христианские корни с Европой; 3) необходимо отказаться от акцентуации религиозного фактора; 4) основанием страны является православно-мусульманский симбиоз; 5) Россия — поликонфессиональная цивилизация.

По мнению Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова, Россия и Запад суть две разные системы, у истоков которых стоит один исторический субъект — христианский [41, с. 42]. С ними не согласен А. И. Липкин, с точки зрения которого ни христианство, ни такие параметры, как пространство/время и локальность/внелокальность, не представляются определяющими для российской цивилизации. Он утверждает, что основой цивилизационных общностей являются не различные типы религии, а личностно ориентированные базовые смыслы и ценности, имеющие светскую основу [42, с. 51]. С точки зрения В. М. Межуева, в основу своей государственности Россия, в отличие от Запада, вслед за Византией положила не национальный и правовой, а конфессиональный и династический принципы (православие и самодержавие), в силу чего русские осознавали себя не столько светской, сколько религиозной (православной) нацией, единой в своей вере и служении Богу. Православное и национальное сливались в одно понятие: «град земной» и «град Божий» предельно сближались между собой. Само служение государству наполнялось религиозным смыслом и содержанием, свидетельствовало о приверженности православной вере [10, с. 52].

По мнению В. Тишкова, цивилизаторская миссия российской нации состояла в распространении норм двух мировых культурных систем — христианства в форме православия и русского языка. Применительно к первому следует отметить, что цивилизаторская миссия затрагивала не столько последователей иных мировых религий, но пре-

жде всего население, придерживавшееся так называемых традиционных верований и практик [43, с. 23–24]. В России имеется вековая традиция толерантного сосуществования различных религиозных традиций при сохранении их самобытности. Эта традиция во многом заимствована и от Золотой Орды, при которой Русская православная церковь не платила подати, имела право осуществлять судебные функции над своими людьми, пользовалась свободой при избрании на духовные должности.

В то же время у православной России также остаются в активе многие традиции не только толерантного сосуществования, но и поддержки иноплеменного и иноверного населения. Это была большая ответственность: «...не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь; не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем жизнь, дыхание и великую родину для всего этого разноголосого человеческого моря, всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство» [44, с. 356–357]. При этом роль религиозного фактора в формировании как толерантности, так и отчужденности этносов по отношению друг к другу в пределах одного государства весьма значительна. Многовековые традиции совместного проживания, формирующие культурно-бытовую и хозяйственную близость этносов, принадлежащих к различным конфессионально-культурным общностям, во многом представляются определяющими в формировании взаимной веротерпимости. Показательна в этой связи позиция Русской православной церкви, когда Архиерейский собор 2008 года в определении «О единстве Церкви» единодушно подтвердил, что «единство Святой Руси является величайшим достоянием нашей Церкви и наших народов, сокровищем, которое мы будем хранить, отдавая все свои силы на преодоление искушений, соблазнов и попыток разделения». При этом было подчеркнуто, что «лишь при таком условии Русская православная церковь сможет и далее вносить свой уникальный и значительный вклад в общеевропейскую и мировую цивилизацию, убедительно свидетельствуя о ценностях православной духовной традиции» [45].

Несмотря на то что каждая из религий утверждает свой абсолют и отвергает истинность других учений, доктринальные противоречия не всегда имеют своим следствием конфликт. Более того, «религиозный изоляционизм» и конфликт как результат «столкновения религий» в России находятся на самой периферии общественного сознания, что еще раз свидетельствует об уникальном российском историческом опыте толерантности. Вероятно, это связано прежде всего с ин-

стинктивным стремлением людей к тем нравственным канонам, которые лежат в основании любой религии и представляются «общечеловеческими». Далее, современные амбивалентные тенденции – усиление различий и одновременно интеграция, с одной стороны, подталкивают к «интеграционным» формам и в религии, с другой – в них можно усмотреть центростремительные цивилизационные механизмы, проявляющиеся в культурно-религиозной доминанте. Таким образом, и полная толерантность вплоть до единения, и абсолютная нетерпимость в сфере межрелигиозных взаимоотношений не представляются значимыми. Доминирующим является представление о конструктивном диалоге различных религий. В заявлении религиозных лидеров России четко сказано: «Мы решительно отвергаем любую национальную, религиозную и социальную рознь как явление, в корне противоречащее многовековым традициям российского добрососедства, миролюбивым основам всех религий» [46].

Многовековые традиции мирного интегрального сосуществования различных этнических и конфессиональных общностей в российском цивилизационном ареале представляются весомым фактором, способным уберечь российскую специфику, поддержать ее устойчивость в современном мире, бросающем все более угрожающие вызовы государствам и социокультурным общностям. Расшатывание этих устоев, деструктивные социальные причины, неадекватные политические стратегии могут существенно ослабить адаптивные возможности российской цивилизации. Поэтому необходимы консолидированные усилия государства и общества, целенаправленная государственная политика, учитывающая исторический опыт, поскольку «цивилизационная принадлежность страны – не столько вопрос свободного выбора, сколько явление исторической судьбы» [11, с. 367].

Социально-историческая онтология российской цивилизации предопределяет и рамки колебания российской идентичности. Эти рамки представляются инвариантными даже в кризисных состояниях в силу их принадлежности самому социальному бытию россиян. Однако отмеченная внутренняя дестабилизация и объективные общемировые тенденции, размывающие традиционные идентичностные формы, ставят на повестку дня необходимость выработки определенных экономических, социокультурных и политических стратегий выживания российской цивилизации. «Признание и внедрение в общественно-политическое сознание россиян общей идентичности и вера в негомогенное поле российского народа не менее важны, чем охраняемые границы. Государства потому и существуют, что каждое новое поко-

ление их граждан воспроизводит и разделяет общее представление о своей стране и считает себя единым народом» [43, с. 22].

Список литературы

1. Соловьев А. И. Цивилизационный облик российской политики: теоретические аспекты // Власть. 2008. № 11.
2. Платонов О. Русская цивилизация. М., 1992.
3. Кожин В. В. О русском национальном сознании. М., 2002.
4. Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Избранная социально-философская публицистика. М., 1996.
5. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
6. Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.
7. Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006.
8. Азуан А. Национальные ценности и модернизация. М., 2010.
9. Межуев В. М. Россия в поиске своей цивилизационной идентичности // В поисках теории российской цивилизации: Памяти А. Ахиезера. М., 2009.
10. Межуев В. М. Российская цивилизация — утопия или реальность // Россия XXI. 2000. № 1.
11. Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996.
12. Темницкий А. Л. Социальные и культурные скрепы патерналистской цивилизации в России // Российское общество в современных цивилизационных процессах. СПб., 2010.
13. Яковенко И. Г. Теоретические основания цивилизационного анализа России // В поисках теории российской цивилизации: Памяти А. Ахиезера. М., 2009.
14. Шемякин А. Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.
15. Шемякин А. Г. Цивилизации «пограничного типа»: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование. М., 2008.
16. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.
17. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
18. Eisenstadt S. N. The civilizational dimension of Modernity // International sociology. 2000. Vol. 16, № 3.
19. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. № 3.
20. Эйзенштадт Ш. Модерн как цивилизация особого типа // Реферативный журнал. 2003. Сер. 11. № 1.
21. Россия как цивилизация: Сибирский ракурс. Новосибирск, 2008.
22. Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.

23. Панарин А. С. Россия в Евразии: политические вызовы и цивилизационные ответы // Вопр. философии. 1994. № 12.
24. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
25. Дугин А. Г. Философия войны. М., 2004.
26. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна. М., 2007.
27. Зимин А. И., Зуйков В. С., Мишарина И. К. Россия в поисках культурно-исторической и национальной самоидентификации. М., 2001.
28. Besancon A. La "civilisation occidentale" est-elle solide? // Commentaire. 1994. № 66.
29. Солоневич И. Л. Народная монархия. Минск, 1998.
30. Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего // Ильин И. А. Соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 7.
31. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопр. философии. 1984. № 3.
32. Карамзин Н. М. История государства российского: в 12 т. М., 1989. Т. 1.
33. Сент-Экзюпери А. де. Избранное. М., 1987.
34. Карасин Г. Б. Россия и соотечественники // Международная жизнь. 2007. № 12.
35. Тишков В. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. 2007. № 7.
36. Россия на рубеже веков. М., 2000.
37. Никонов В. Всемирное и национальное // Стратегия России. 2007. № 12.
38. Павловский Г. О. Русский мир // Международная жизнь. 2006. № 11.
39. Кальянов А. В. Зарубежная российская диаспора в контексте межцивилизационных отношений // Россия в современном диалоге цивилизаций. М., 2008.
40. Святейший Патриарх Кирилл. Выступление на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира 3 ноября 2009 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/928446.html> (дата обращения: 13.10.2010).
41. Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.
42. Липкин А. И. Российская самодержавная система правления // Полис. 2007. № 3.
43. Тишков В. А. Самоопределение российской нации // Международные процессы. 2005. № 2 (8).
44. Литература русского зарубежья: Антология. М., 1997. Т. 3.
45. Местоблюститель Патриаршего Престола Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Доклад на Поместном Соборе Русской православной церкви. URL: <http://www.mospat.ru/archive/44017.htm> (дата обращения: 21.07.2011).
46. Заявление религиозных лидеров России – членов Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ 11 марта 2009 г. URL: http://www.religare.ru/2_63096.html (дата обращения: 18.07.2011).